О МЕСТОПРЕБЫВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАЙДЖИ АРАБДЖУРА ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ИМ ПОДДАНСТВА ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ[1]

Б. Дорги
(АРВМ, Китай)

В монгольских, китайских и иностранных источниках много говорится о причинах, из-за которых нойон-родоначальник эцзинейских торгутов не смог возвратиться к себе на родину в Калмыкию. Также постоянно появляются статьи и работы ученых и исследователей-монголоведов, которым эта тема интересна для изучения. Однако, к сожалению, отсутствуют работы, в которых рассматривались бы сведения о том, какие в действительности кочевья были отведены тайджи Арабджуру маньчжуро-цинским правительством, о его жизни и деятельности в тот конкретный период истории. Поэтому я в меру своих сил постарался восполнить этот пробел истории в данной статье.

В году *земляного барса* (1698 г.) в конце XVII века Арабджур, сын Ики-Цохуровского [1] Назар-Мамута из Калмыцкого ханства, по поручению своего дяди Аюки-хана, чтобы со своей матерью Ягу совершить богомолье и поднести дары, из Поволжья, находившегося на расстоянии 10 тыс. газаров (1 газар=576 м – Перев.), прибыл в Лхасу, расположенную в «Стране снегов» – Тибете, центре «желтой веры» (буддизма). Они прожили в Лхасе целых 4 года, во время которых совершали паломничество и делали подношения крупным монастырям Брайбун, Сэра, Галдан и другим, побывали на аудиенции у Далай-ламы во дворце Потала и молились о ниспослании им благополучия. Когда они возвращались, то по пути освободили и взяли с собой задержанных на факультете *Гоманг* монастыря Брайбун молодых калмыков-послушников. В году *водного барана* (1703 г.) Арабджур, покинув Тибет, направился в Кукунор. После прибытия в Золотой храм (Алтан-хийд) в Кукуноре он, установив порядок и мир среди сопровождавших его шабинеров (послушников), троих из них по имени Чоймбол, Дандара и Мусул доставил на факультет *Манба* этого монастыря и устроил туда учениками [2]. Об этом определенно говорится в послании, направленном тогда цинским императором Юнчжэном калмыцкому хану Аюке. В нем сказано: *«Сын Вашего [подданного] Назар-Мамута Арабджур вместе со своей матерью прибыл в Тибет на богомолье. Когда он стал возвращаться, то не смог проехать [через Джунгарию], так как Цэван-Рабдан перекрыл дорогу. Я же, сочувствуя ему, выяснил его положение, удостоил его высокой чести, пожаловав ему высокий титул бэйсэ и, постоянно милостиво наставляя его, отвел ему кочевья для его пропитания. А также я собрал и взял на иждивение всех учеников лам [факультета] Гоманг»* [3]. После того, как Арабджур и другие люди выехали за пределы Кукунора и вступили на территорию провинции Ганьсу, они сделались заложниками маньчжурского правительства Цинской империи, и у них сразу же исчезло желание вернуться на Родину. Однако в китайских источниках об этом высокопарно пишут, что Арабджур и другие добровольно приняли подданство Цинской империи. Как бы то ни было, это видно из послания императора Юнчжэна калмыцкому хану Аюке, где он утверждает, что он «молодому человеку Арабджуру пожаловал титул *бэйсэ*, поселил его в [местности] Дан Сэртэн и значительно увеличил средства для его существования, ежегодно выдавая ему жалование серебром и шелком» [4].

После того, как тайджи Арабджур оказался в безвыходном положении на территории принадлежащей маньчжурам [провинции] Ганьсу, то в 1704 г. правительство Цинской империи пожаловало ему тогда кочевья для поселения. Об этом Чжан Му в «Записках о монгольских кочевьях» («Мэн-гу-ю-му-цзи») сообщает: «В 43 году Энхэ Амгалана (кит. Канси) (1704 г.) сын Назар-Мамута Арабджур был возведен в достоинство *хошуны бэйсэ* и пожалован кочевьем в Сэртэне». О местности с таким названием Чжан Му написал в своем комментарии: «Сэртэн также называется Дан-Сэртэн. Во «всеобщем обозрении» [«И-тун чжи»] об этом событии сказано: Младший брат (на самом деле это был племянник – прим. автора) торгутского правителя Аюки Арабджур, на обратном пути из Тибета не имея возможности возвратиться, вступил в подданство Китая. Он был возведен в достоинство бэйсэ и получил распоряжение кочевать за заставой Сайн Дзаб (кит. Цзя-юй-гуань) в местности Дан-Сэртэн. Эту местность так назвали потому, что она расположена между рекой Дан и озером Сэртэн» [5]. Поскольку нет точных координат данной местности Дан-Сэртэн и подробного описания, по какому указу она была нанесена на карту, то мне это ориентировочное указание представляется интересным.

Если внимательно рассмотреть исторические источники цинского периода, то выяснится, что местность Дан-Сэртэн, отведенная сначала тайджи Арабджуру для кочевания, находилась на нынешней территории Субэй-Монгольского и Ансай-Казахского автономных округов на западной окраине современной провинции Ганьсу, доходя до озера Сэртэн (в прошлом Сугань-ноэр, а сейчас Сугань-ху) южнее гор Улан-Дабан и до горы Цага-Чулуту в северо-западной части провинции Кукунор (Цинхай). Ее площадь равнялась примерно 70 с лишним тысячам квадратных километров. В то время Дан-Сэртэн граничила с юго-восточными землями Джунгарского ханства. Поскольку она располагалась на окраине

[1] Перевод с монгольского Санчирова В.П.

к северу от кочевий хошутов и за пределами пограничных пунктов, то обязательно должна была быть важной укрепленной зоной Цинской империи. Поэтому вполне понятно было, что маньчжурские правители, используя выгодное положение этой местности, все время совершали вторжение на территорию Джунгарского ханства. Тайджи Арабджур, будучи номинальным владельцем этой местности, уже давно знал, что однажды она станет ареной военных действий, и с самого начала не переставал искать себе новую территорию. Так, еще во время пребывания в местности Дан-Сэртэн он с сыном Данджуном, взяв с собой ламу-астролога и приближенных чиновников, вместе с охотниками отправился, чтобы произвести разведку и поохотиться в бассейне рек Дан-гол, Сур-гол и Туулай-гол [6], а также по берегам больших и малых озер вдоль этих рек. Там больше всего новым хозяевам понравились окрестности р. Эцзиней-гол. Ясно, что в дальнейшем Арабджур со своим потомством перебрался сюда и обосновался там.

Основная деятельность тайджи Арабджура после его поселения в местности Дан-Сэртэн сводилась к тому, чтобы по приказу охранять дельту р. Гас и нести караульную службу от нападений джунгаров. Об этом в цинском источнике «Составленные по высочайшему указу родословные и биографии ванов и гунов Внешней Монголии и Туркестана» («Илэтхэл шастир») сказано: «В 54-м году (Энхэ Амгалана / Канси, 1715 г.) из-за внезапного нападения джунгаров на Хами Арабджуру поручено было подготовить войска и ждать [приказа] о мобилизации. Тем временем, поскольку джунгары в Хами были разбиты и бежали, то сторожевое войско было решено отозвать из Хаса (Гаса) [7], а его кочевья с Сэртэна поменять на [местность] Цаган-Чулуту в Хасе. С таким поручением, а также чтобы разведать, каковы силы джунгаров, к нему посланы были адъютанты. В 55-м году (1716), когда Арабджур просил позволить ему присоединиться к императорской армии и дать возможность проявить себя, то ему приказано было с 500 воинами расположиться на территории Гаса и принять меры предосторожности против джунгарских разведчиков».

Канцеляристы в Цинской империи имели обыкновение поражения в войнах с монголами представлять как победы, так что неудивительно, что они в подобном духе описывают войну, которую вел император Канси с Джунгарским ханством в начале XVIII века. Поэтому о том, что скрывается за приведенным выше утверждением «джунгарское войско потерпело поражение, а Арабджур был послан, чтобы охранять верховья Гаса, можно узнать из помещенной ниже исторической заметки.

Воспользовавшись тем, что в конце XVII века джунгарский Галдан Бошогту-хан воевал в Халхе с цинской армией, которой командовал сам император Канси, племянник джунгарского хана, старший сын Сэнгэ Цэван-Рабдан овладел большей частью территории Джунгарского ханства. Когда в 1696 г. Галдан потерпел сокрушительное поражение в сражении при Дзун-Модо, Цэван-Рабдан захватил улус Бошогту-хана и сделался фактическим правителем Джунгарского ханства. Его могущество в тот период росло с каждым днем, и он подчинил своей власти уйгуров Яркенда и Кашгара, живших к югу от гор Тянь-Шаня.

Весной года *огненной коровы* (1697 г.) рассеявшиеся в разные стороны после поражения при Дзун-Модо родовые князья и зайсанги Бошогту-хана, верой и правдой служившие ему, примкнули к Цэван-Рабдану, а с ними и несколько тысяч воинов. С собой они доставили в Джунгарское ханство прах, оставшийся после кремации Галдана Бошогту-хана, и его дочь Дзочихай. Узнав об этом, император Канси летом того же года направил послом в Борталу чиновника 5-го разряда Ведомства ремесел Чан Шоу, чтобы тот потребовал от Цэван-Рабдана выдать [цинским властям] прах Галдана, его дочь, а также Данджина Омбо с его людьми. На это Цэван-Рабдан возразил: «У нас, ойратов, нет обыкновения мстить умершим людям и женщинам. Прибывший под мое покровительство Орджаджаб с людьми раньше был подданным моего отца, поэтому нет никаких оснований для выдачи [его Вам]» [8].

Чан Шоу, конечно, понимал всю бесперспективность своей миссии, но, прибыв в Борталу, делал Цэван-Рабдану от имени императора предложение принять цинское подданство, обещая ему за это богатство, чины и прочие блага. Цэван-Рабдан даже не стал на него сердиться. Поскольку увещевания Чан Шоу не принесли никакого результата, он вынужден был ни с чем вернуться назад. Недовольный император Канси в конце того же года снова отправил посланца, чиновника-регистратора Раши в Борталу, чтобы оказал давление на Цэван-Рабдана. Но и тот, подобно Чан Шоу, вернулся обратно без всякого успеха. Тогда император Канси понял, что не так-то просто будет подчинить своей власти Джунгарское ханство.

Весной года *деревянной овцы* (1715 г.) иерархи-хутугты трех крупных тибетских монастырей Сэра, Брэйбун и Галдан и кукунорские тайджи неоднократно присылали в Джунгарское ханство своих посланцев и просили, чтобы Цэван-Рабдан оказал поддержку «желтой» вере и посодействовал вступлению на престол истинного Далай-ламы [9]. Цэван-Рабдан хотя и принял их просьбу, но отнесся к ней крайне осторожно. Он прежде всего отправил в Хами Большого Цэрингдондуба для проведения разведки боем. Хами и хребет Баркель являлись воротами для проникновения в пределы Цинской империи, и они же являлись прямой дорогой для проезда в Тибет.

Между тем правитель Хами Убейдулла Тархан-бек уже давно принял подданство Цинской империи. И для того, чтобы установить здесь свое правление и разместить войска джунгарам надо было одним небольшим войсковым подразделением защитить Хами, Булунгтир, Цаган-Усу и другие местности и воспрепятствовать размещению здесь [цинских] войск. В том же году Большой Цэрингдондуб по приказу с 2000 воинов вторгся через границу Хами и наряду с захватом пяти городов блокировал и угрожал Хами. Тогда на помощь ему прибыло 5000 воинов маньчжуро-китайского зеленого знамени, несшего караульную службу в Сучжоу. В это время Большой Цэрингдондуб, выполнив разведывательное задание, отвел свой отряд и вернулся в Притяньшанье. Это событие в китайских источниках описывается как «поражение джунгаров в Хами». Император Канси понял, что вторжение джунгаров произошло не только ради открытия торгового пути, и, увеличив контингент войск в Хами, Баркеле, Булангире, Улаан-усу, верховьях Гаса и других местностях, перекрыл главную дорогу, едущую в Кукунор и Тибет, и закрыл все пограничные пункты.

Несение Арабджуром вместе со своим войском сторожевой службы в верховьях Гаса по приказу цинского правительства как раз и относится к этому времени. В «Илэтхэл шастир» об этом сказано: «В 54-м году (1715) из-за нападения джунгаров на Хами Арабджуру было приказано подготовить и мобилизовать войска. В то время, поскольку джунгары были разбиты и бежали, он договорился, чтобы ему разрешили вывести сторожевое войско из Хаса (Гаса). Сам он, доложив, что покинет кочевья в Сэртэне и отправится, чтобы проникнуть в местность Цаган-Чулуту в Хасе, послал телохранителей проследить за джунгарами. В 55-м году (1716), когда Арабджур просил разрешение присоединиться к императорской армии и послужить, то ему было приказано с 500 воинов отправиться для защиты территории Хаса и принять меры предосторожности против джунгарских разведчиков» [10].

С тех пор, как князь Арабджур отправился в 1698 г. из междуречья Волги и Яика в Тибет, прошло 18 лет. Судя по монгольским и китайским источникам, князь Арабджур скончался в 1716 г., когда охранял местность Гас. В «Илэтхэл шастир» сказано: «Князь Арабджур в том году,когда был назначен в Гас, вскоре умер. После его смерти ему наследовал его сын Данджун» [11]. В «Мэнгу ю му цзи» («Записках о монгольских кочевьях») их автор Чжан Му пишет: «В 55-м году (Энхэ Амгалана, 1716) Арабджур докладом просил разрешение послужить на войне. Император указал ему с 500 человек занять Гас. После этого он вскоре умер и ему наследовал его сын Данджун [12]. [В обоих источниках] точно указано время и место смерти Арабджура.

После смерти князя Арабджура своему отцу наследовал его сын Данджун, который в 7-м году Найралту Төв (кит. Юнчжэн, 1729) он после представления на аудиенции императору был возведен в достоинство *төрү-йин бэйлэ*» [13]. В это, время правитель Джунгарского ханства Цэван-Рабдан умер, а его место на ханском троне унаследовал его сын Галдан-Цэрэн-тайджи, который был полновластным правителем Джунгарского ханства. Он, придя к власти, всячески стремился установить дружественные отношения с Цинской империей. Однако император Юнчжэн отказался выполнять завещание императора Канси жить в мире с джунгарами. Он отнесся с пренебрежением к хану Галдан-Цэрэну как к вождю небольшого племени на северо-западе и, направив в Джунгарию посла по имени Чжан Бу, пытался используя метод «кнута и пряника», склонить джунгарского правителя к подчинению. Император Юнчжэн наряду с тем, что пожаловал хану Галдан-Цэрэну титул «хунтайджи», незаконно потребовал от него скорейшей выдачи кукунорского хунтайджи Лубсан-Данджина [бежавшего к джунгарам после поражения антицинского восстания в Кукуноре в 1723 г. – Перев.]. Тогда хан Галдан-Цэрэн в своем ответе цинскому послу Чжан Бу сказал: «Кукунорский Лубсан-Данджин, спасаясь от невзгод, прибыл, чтобы найти убежище у моего отца. Если я безбоязненно нарушу последнюю волю своего отца и выдам хунтайджи Вашей Цинской империи, то это будет нарушением правил нравственности и станет предметом насмешек для всего мира. К тому же наше Джунгарское ханство отнюдь не является подданным Цинской империи. Поэтому пожалованный мне титул хунтайджи оскорбителен и является агрессивным действием Вашего императора» [14]. С таким ответом он отослал назад послание императора Юнчжэна вместе с доставившим его послом. После возвращения и доклада императору цинского посла император Юнчжэн решил напасть на Джунгарское ханство. Он не прислушался к решительным возражениям многих придворных сановников, а, приняв за истину мнение только одного китайского сановника Чжан Динюя о необходимости начать войну с джунгарами, решил вторгнуться с войсками на территорию Джунгарского ханства по двум дорогам.

К моменту прибытия маньчжурской императорской армии к границе Джунгарского ханства хан Галдан-Цэрэн не сидел сложа руки. Он предпринимал всевозможные меры военного и оборонительного характера и всесторонне готовился к войне. Прежде всего он отдал приказ зайсангу Захчинского отока Кегшин Мамуту мобилизовать людей из отоков Захчин, Бучин, Галчид и разместить для охраны в местности Цаган-Тологай, граничащей с Алтаем и Баркелем, а сыну Малого Цэрингдондуба Цэринг-намджилу и тайджи Сэбдэну с 6 тыс. воинов нести охрану местности Мөрү-гол к северу от Баркеля.

Хан Галдан-Цэрэн свои главные силы направил против маньчжурской армии Северной дороги, которой командовал полководец Фурдань, а 30 тыс. отборных войск под началом Большого и Малога Цэрингдондуба и сына Большого Цэрингдондуба Дорджидамбы разместил для охраны трех районов Хува Эрчис, Урунгту и Хобук-Сайр. Зимой 1730 г. Мамут мобилизовал согласно приказу людей из подданных отоков и, прибыв из местности Цаган-Тологай в Булгане в Мөрү-усу, расположился там лагерем.

Мамут, чтобы отвлечь на себя цинские войска, расквартированные в [местностях] Булунггир и Цаган-Усу, должен был с частью войск застать врасплох и блокировать в верховьях Гаса цинские сторожевые войска под командованием сына Арабджура Данджуна. Получившие этот приказ Цэрингнамджил, Сэбдэн и др. с несколькими тысячами латников, выступив из местности Ци-тай, незаметно миновали караулы в Баркеле, с необыкновенным мужеством перебрались через Лобнор и внезапным ударом разгромили цинские сторожевые войска под командованием Данджуна, которые несли караульную службу в верховьях Гаса на северо-западной оконечности Кукунора на южном склоне величественной горы Алтын-таг (по-китайски А-эр-цзинь-шань) [15].

В это время Данджун-нойон, несший наряду с императорской армией маньчжуров караульную службу в верховьях Гаса, стремился удалиться подальше от [театра] маньчжуро-джунгарской войны. С окончанием войны он со своими подданными людьми откочевал вниз по течению р. Дан, переправился через реки Сюрун-гол и Туулай-гол, а затем прибыв к истокам р. Эдзиней-гол и кочуя вверх по течению рек Шара-гол и Хара-гол, обосновался через несколько лет в долине Шара-тала в окрестностях Шаньданя в современной провинции Ганьсу [16]. После этого, охотясь каждую зиму на юге вплоть до [местностей] Хара-уула, Цаста, Баруун-тайши, Хабтагайин Шанда, Цуг Хайрхан, Болор, Дзангдзиндай, Баян-Булаг, Баян-Буриту, он со всем свом аймаком стал обитать на севере в [местностях] Хубч, Хонгорджи, Гурунай и др. на р. Эдзинэй-гол.

В 9-м году Найралту Төв (кит. Канси, 1731), поскольку Данджун-нойон со своих кочевий в Сэртэне перебрался в [местность] Цаган-Чулуту в Гасе, он, опасаясь нападений со стороны джунгар, попросил позволения перекочевать на [территорию] империи. Тогда генерал-губернатор Шэньси Цалунга отдал приказ: «Пусть он со своими родственниками кочует в Алтан-Тэбши и других [местностях] у горы Алтан-Таг», после чего разрешил ему кочевать в окрестностях р. Эдзинэй-гол [17]. Именно в сочинении Чжан Му указывается, что в то время, как подданный Данджуна по имени Мэргэн-цорджи принял джунгарское подданство, Данджун-нойон стал еще больше подвергаться разорению, и он просил дозволения переселиться в пределы Китая. Только тогда в действительности ему для проживания были назначены кочевья на р. Эдзинэй-гол. Однако фактически образование хошуна эдзинэйских «старых» торгутов, назначение сюда дзасака (владетельный князь, правитель хошуна – Перев.) и пожалование ему печати – все это произошло уже через 37 лет после смерти Арабджура при сыне Данджун-нойона Лубсандардже в 1753 г. В «Илэтхэл шастир» сказано: Вторым наследовал титул төрүйин-бэйлэ в 5-м году Тэнгрийн тэхүгсэн (кит. Цяньлун, 1740) старший сын Данджуна Лубсандарджа. По причине его малолетства чиновник Китайской палаты по управлению делами Внешней Монголии был назначен замещать его в делах управления хошуном. В 17-м году (1752) он был отозван. В 18-м году (1753) Лубсандарджа бын произведен в дзасаки, и люди были отданы ему в подчинение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В конце XVII в. Калмыцкое ханство делилось на улусы, т.е. подданных людей 9 потомственных князей. Из них 6 улусов – Ики-Цохур, Бага-Цохур, Эркету, Харахус, Эрдэникичиг, Яндаг были сородичами торгутского Аюки-хана, а из трех других два улуса было дербетских (Большой и Малый) и один хошутский.

2. *Чоймбол.* Обзор лекарственных средств, лечения и [состояния] здоровья в Эдзинэйском хошуне // Материалы о культуре и истории Эдзинэйского хошуна. С. 122 (на монг. яз.).

3. Послание, отправленное цинским императором Юн-чжэном торгутскому хану Церен-Дондуку // Ойратские исторические памятники / Сост. Бадай и др. С. 458 (на монг. яз.).

4. Послание, отправленное цинским императором Канси торгутскому хану Аюке // Ойратские исторические памятники / Сост. Бадай и др. С. 453 (на монг. яз.).

5. *Чжан Му.* Мэнгу ю ми цзу («Записки о монгольских кочевьях»). Последняя глава. С. 226 (на кит. яз.).

6. *Сүрүн-гол* – река, вытекавшая с северной стороны хребта Барсын-Дабан у северного склона горы Ци-лянь-шань, называвшейся Цасуту, а район нижнего течения этой реки назывался Булунггиргол. В рассматриваемый период воды этой реки впадали в озеро Хара-нур. Оно уже давно высохло; *Туулай-гол* – эта река брала начало с южного склона хребта Барсын-Дабан, и та ее часть, которая впадала в р. Эдзинэй-гол, также называлась по-китайски Тянь-цан-хэ.

7. *Верховья Гаса* – горная долина в окрестностях оз. Гас-нур, расположенной приблизительно в 100 км к западу от [района] Цохор Буйграк (по кит. Ман-ту-яй или Хуа-ту-цзюй) на западной границе Хэйши-Монголо-Тибетского автономного округа в современной провинции Кукунор (кит. Цинхай – Перев.).

8. Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюе («Составленное по императорскому повелению описание государева похода и усмирения [населения] территории к северу от пустыни»). Цз. 46.

9. *Намсарай*. Истории Монголии Цинского периода. Хайлар, 1993. С. 176.

10. «Илэтхэл шастир» под наблюдением Борджигин Мөнгкэдалая. С. 332.

11. Там же.

12. *Чжан Му*. Указ. соч. С. 330.

13. Там же. С. 230.

14. *Намсарай*. История Джунгарского ханства (на монг. яз.). С. 232.

15. Там же. С. 239-240.

16. *Галсангпунгсуг Э.* Жертвоприношение князей эдзинэйских торгутов и некоторые связанные с ним вопросы истории // Исследование по истории и культуре ойрат-монголов. Пекин, 2007 (на монг. яз.). С. 286.

17. Там же.

18. *Чжан Му*. Указ. соч. С. 230-242.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СОБОР БУДДИСТОВ

Г.Ш. Дорджиева
(г. Элиста)

Судьба буддийского духовенства Калмыкии неразрывно связана с именем и деятельностью лхарамбы Агвана Доржиева. Его связи с калмыцким духовенством берут начало с 1891 г., когда произошла встреча и знакомство с путешествующим по Тибету (1891–1894) База багши (Менкеджуевым), настоятелем Дунду хурула Малодербетовского улуса. В 1898 г. А.Доржиев впервые предпринял поездку в Калмыкию (в официальных документах того времени – Калмыцкая степь Астраханской губернии). При поддержке и содействии калмыцкого духовенства А.Доржиев основал две высшие конфессиональные школы – Цанит Чоре (1908), руководил съездами духовенства и мирян (1923; 1925, 1928), организовывал отправку талантливой калмыцкой молодежи из среды духовенства для обучения в Тибет, в частности, Бадмы Боваева, будущего автора поэмы «Чикня худжр» («Услаждение слуха»), Боту Бадушева (в монашестве гэвшэ Ванджал, или гэше Вангъял), основателя первого буддийского монастыря в штате Нью-Джерси США, и др. Он принимал участие в подготовке медицинских кадров (эмчи) из числа калмыцкого духовенства в медицинской школе Манба Ацагатского дацана Бурятии – Нарнык (Тюник) Миндряева, Цюрюм Санджиева, Дорджи Санджиева, Гылык Манджикова, Лубсан Куберлинова и др. [1].

Всесоюзный Собор буддистов – последнее крупное событие, которым руководил А.Доржиев, – состоялся 20–28 января 1927 г. в Москве.

На Соборе принимали участие 51 делегат: 26 – от Калмыцкой автономной области (далее КАО) и 25 – от Бурятии.

20 января Собор начал работу с избрания президиума, председателем был избран хамбо лама Агван Доржиев, заместителями – Лама калмыцкого народа Лувсан Шарап Тепкин и бандидо хамбо лама Данжа Мункужапов, членами – багша донских калмыков Санжи Куберлинов и гавджи лама Агинского дацана Бурятии Хайдан Галсанов, секретарями – Мус Намруев, Цыдендамба Бадмаев, Цыренжап Очиржапов и Данцын Азыдов. Перед началом первого заседания было проведено богослужение. Полномочные представители от Монголии Боян Чулгун, Цеден-Еши Дашипылов, от Бурятии Борис Боярон и КАО Е.М.Сайков (в то время представитель КАО при Президиуме ВЦИК) были избраны почетными членами президиума. Представитель НКВД Трубачеев отказался от избрания почетным членом Президиума.

Собор обсудил доклады Центральных духовных советов (далее ЦДС) Бурятии, Калмыкии и донских калмыков, проекты «Устава о внутренней жизни буддийского духовенства в СССР» (далее «Устав») и «Положения об управлении делами буддийского духовенства в СССР» (далее Положение»), вопрос о создании Всесоюзного духовного управления (далее ВДУ), об отношении духовенства к налоговому обложению, о возрастном цензе для приема детей в монастыри и призыве духовных лиц на военную службу, а также текущие дела [2].

В докладе председателя ЦДС Калмыкии, Ламы калмыцкого народа Ш.Тепкина подчеркивалось, что «после съезда 1920 г. (1-го Общекалмыцкого, проводившегося в пос. Чилгир – Г.Д.) направление